

Смена

ОСОБЕННОСТИ современного искусства — предмет многих и долгих разговоров в последнее время. Среди прочих существует и мнение о том, что искусство сегодняшнего дня полигамно.

Вдумаемся в это. Действительно, какие исполнительские жанры сейчас на первом месте по популярности среди молодежи? Скорее всего нам на этот вопрос ответят: вокально-инструментальные ансамбли. Что касается театра, то это Театр на Таганке, где принципиально важен общий актерский дух, массовый настрой, где на массовку ложится четкая, определенная смысловая нагрузка. Наибольшее количество аплодисментов приходится на долю коллективов. «Звезды» объединяются, становятся «созвездиями».

И вот из такого коллективного творчества, коллективной ответственности вытекает желание творчества, если пользоваться понятиями того же ряда, многогранного, стремление к персональному, своему, неразделенному. Это не имеет ничего общего с эгоизмом. Это повышенное чувство творчества, стремление выйти со зрителем один на один, раскрыться, распахнуться, отдать целиком себя, свою душу зрителю. А он, зритель, и будет в таком случае твоим соавтором, твоим режиссером (когда я спросила Виктора Харитонов, кто его любимый режиссер, он так и ответил: зритель), твоим верным и единственным судом...

Когда несколько лет назад заговорили о создании в Ленинграде нового поэтического театра, идею эту сразу же поддержали обком комсомола и молодежные секции всех творческих союзов. У истоков этой идеи стоял Виктор Харитонов. И он имел и имеет полное право называться

что свойственна режиссерской стилистике В. Голикова.

Но я не ошибусь, наверное, если возьмусь утверждать, что у всех ленинградских любителей театра имя Виктора Харитонина прежде всего ассоциируется с моноспектаклем «Сергей Есенин», первым спектаклем, получившим афишу, с которым Харитонов вышел на сцену театра одного актера. Потом были другие спектакли — о поэтах, актерах, художниках. Виктор выступал с ними на сценах театров, домов культуры, в творческих союзах. Но не было своей сцены. И когда Харитонов, и его соратник и помощник художник Марк Смирнов, и другие люди, имеющие отношение к его спектаклям, стали думать о такой сцене и добиваться ее, — они не преследовали цели собственного успеха, они думали о тех зрителях, которым полюбился жанр театра одного актера, и о тех молодых совсем еще ребятах из разных театров, у которых есть интересные, профессиональные, готовые работы этого жанра, работы, которые никто не может видеть, потому что их негде показывать. И Харитонов, сам пройдя через эту полосу, может быть, лучше других понимает, что хуже от этого и зрителю, который не видит истинно интересных, самостоятельных работ, и самим актерам, для которых невозможно сложить свои спектакли «в стол» до поры до времени — ведь это тот материал, что подвержен амортизации: он жив сегодня и, может быть, уже не нужен будет завтра...

И вот об этой сегодняшней жизни новых спектаклей, о зрителях, которые успели полюбить этот жанр преданной и верной любовью, и думал Харитонов, взявшись за создание поэтического театра.

Еще в институте, в классе профессора Е. И. Тиме, он был при-

цах. Совершенно особый. Цех эстетического, художественного воспитания рабочих и служащих. Им-то и мог бы стать новый поэтический театр при клубе этого объединения. Если этот вариант осуществится, будут решены сразу две проблемы — появятся наконец площадка для нового, давно задуманного театра и откроются большие возможности для эстетического воспитания рабочих крупнейшего объединения.

Идея такого вот рабочего театра тесно переплетается с идеей театра одного актера, потому что в том и другом случае это просветительские идеи. Ведь кто такой актер, посвятивший себя этому жанру? Артист, автор сценария, литературовед, драматург, публицист, просветитель. Если мы вспомним сейчас моноспектакли Виктора Харитонина, то выясним, что каждый из них выполнял — в большей или меньшей степени — и просветительскую функцию. Выставки в фойе, посвященные «персонажам» спектакля, демонстрация холстов во время действия... Синтез жанров, введение зрителей не просто в мир звучащего слова, а в подлинный мир искусства, — все это эстетически, художественно образно выражает. Но этим не ограничиваются задачи такого театра — они шире: на такой сцене всегда идет разговор о важных, главнейших жизненных проблемах. Задуман, к примеру, спектакль о труде, об отношении к труду, о его научной организации. Условное название — «Поэзия рабочего удара». И здесь как раз предполагается площадка поэтического театра послужила бы доброй службой, став и документальным источником нового спектакля.

БЕЗ личного начала театр одного актера стал бы эпигонством. В этом жанре может работать только тот, кто вправе называться личностью. Когда актер выходит к зрителю один на один, и нет партнеров, и не на кого свалить вину, и не с кем разделить неудачу, — он говорит с ним не от имени очередного персонажа, он говорит от своего имени, он обязан говорить от имени времени. Иначе не будет зрителей, не будет успеха, не будет разговора «на равных». Потому что при таком вот разговоре «лицом к лицу» чувствовать пульс времени особенно важно, и о событиях давно минувших необходимо говорить уверенным голосом современника...

Помните? Из искусственной атмосферы непонятого ему города стремится в искренность рязанских полей Сергей Есенин... Предчувствует свою жизненную трагедию совсем молодой еще Лермонтов... Упивается мадьярской удалью Шандор Петефи... А вот закружился в балагане — жизни, театра, поэзии — тонкий поэт, балагур и трагик Аполлон Григорьев. Одно за другим — лица, лица, лица; одно время сменяет другое...

Эти и многие другие герои харитоновских моноспектаклей пришли к нам из глубины времени. Но есть и спектакли о современниках, тех, кто живет с нами рядом, и сегодняшние его герои предвещают тех, кто придет завтра...

Творческий портрет актера — это рассказ о том, как его суть, сталкиваясь с драматургическим содержанием роли, рождает образ сценический.

Это не творческий портрет. Просто мне хотелось рассказать сегодня о том, как, почувствовав тесноту в предложенных рамках, актер ищет и находит свои формы самовыражения, зная точно и наверняка, что ему есть что сказать людям. Мы как-то говорили с ним о том, зачем же все-таки ходят люди в театр. Вспомнили, что думают по этому поводу интереснейшие наши актеры и режиссеры...

Меняется время. На смену театру вдохновенных эмоций приходит жесткий интеллектуальный театр, но снова вдруг обретает живой, не музейный смысл слово «сентиментальный», и опять влечет к себе театр чувств, эмоций, забытых сантиментов. Но так или иначе — люди всегда любят театр добрый. Тот театр, который любит человека.

— Что вы любите больше всего, что вас занимает, что волнует? — спросила я у Харитонина.

Он сказал: «Люблю людей, их тепло, их доброту. Моим искусством хочу защитить в человеке человеческое».

И это, заметьте, в его спектаклях главное. Он активно утверждает эту свою любовь, защищает человеческую доброту. Он открыт своему зрителю, распахнут ему навстречу.

Но это главное не только в его спектаклях. Это главное и в его жизни. Потому, наверное, он никогда не отказывает тем, кто зовет его выступать в ПТУ, в школы, в клубы. Потому так часто он берет молодых артистов, у которых есть готовые самостоятельные работы, чтобы они могли показать их зрителям. Потому, наверное, он и занят созданием поэтического театра...

Днем — встречи, хлопоты, книги, люди, материал для будущих инсценировок.

Но вот вечер. И огнями вспыхивают рампы. И забыты суета, — неприятности, всё несвершившееся и несвершенное. Начинается спектакль.

Т. ОТОГОВА
Фото П. Воярова

МОНОЛОГ

СОВРЕМЕННОК КРУПНЫМ ПЛАНОМ

действительно основоположником пока еще не театра, увы, но этой, обретающей сегодня новое основание, идеи такого театра.

С юных лет, со студенческой скамьи Театрального института его кумиром, его идеалом был и навсегда остался Владимир Яхонтов, актер, создавший в России явление, названное театром одного актера. То, что делал Яхонтов, не было чтением с эстрады, это прежде всего было театром.

Ничего принципиально нового в то, что создал Яхонтов, Виктор Харитонов не внес. Он не совершил переворота в природе жанра театра одного актера. Он просто принес сюда, на сцену, с которой начался его настоящий контакт со зрителем, свою молодость, свою интересную, яркую личность. А для такого театра важна прежде всего личность того, кто отдает себя этому делу. Ведь столь обширная «площадь контактов» невозможна в обычном театре — только здесь, на моносцене, виден зрителю весь внутренний мир актера, не скрытый маской очередного персонажа...

Окончив Театральный институт, Виктор пришел в Театр имени Ленсовета. Не только у него, наверное, у каждого, кто умеет строго анализировать свои состояния, первой мыслью перед тем, как войти в новый коллектив, тем более коллектив творческий, было: вдруг я не такой, как все? Вдруг не сумею того, что умеют все, вдруг не знаю того, что предельно ясно всем?.. Не проходит время. И на смену этой мысли приходит другая: вдруг я такой, как все?

Как-то Харитонов очень интересно говорил о том, что актер в обычном театре окружен «зависимостями». Он зависит от репертуара, от режиссера, от партнеров по спектаклю. Зависит и от того, кто назначен с ним на одну роль: кто-то берет напрокат то, что найдено тобой — те же мизансцены, тот же рисунок роли. Это напоминает серийное производство копий с картин неизвестного художника. В театре одного актера это исключается. Здесь актер полностью независим, здесь целиком осуществляется право авторства актера, здесь он и только он отвечает сполна за успех или провал, здесь его удачи и неудачи ощущаются им самим в полную меру, и это повышает уровень ответственности и заставляет строже, во сто крат требовательнее относиться к себе...

Виктор Харитонов за свою недолгую еще творческую жизнь был актером многих ленинградских театров. Но это не перебежки «из Керчи в Вологду», это поиски оптимального варианта, при котором он лучше мог осуществлять то, чему так решительно посвящал себя еще в юности. Он сыграл за минувшие годы немало ролей в спектаклях ленинградских режиссеров. Сам считает наиболее любимой роль драматического спектакля Малого драматического «Что делать?» по роману Чернышевского, а наиболее удачной эпизодическую роль в «Селе Степанчикове» — это уже в Театре комедии, в спектакле, где он так верно уловил ту ноту обнаженного гротеска,

учен к тому, что в творчестве надо действовать. Работа в непривычном для нашего зрителя жанре, отставание этого жанра, все то, что делал для создания нового театра, стало тем действием, которое необходимо для творческого человека, если он ищет настоящие связи между своим искусством и жизнью вокруг. Творческим действием стали и постоянные встречи со зрителями.

На них (а если не спектакль, то каждый вечер почти наверняка встреча рабочими, со студентами, в общедомовых, в доме культуры) актерам задают самые разные вопросы. И часто спрашивают о любимом стихотворении. Раньше говорил, что любимых стихов — много. Их действительно много. Но в минуты сомнений — сам недавно заметил — часто твердит про себя:

О, если ты спокоен,
не растерян,
когда теряют головы вокруг,
и если ты себе остался верен,
когда в тебя не верит лучший друг,
и если ждать умеешь без волненья,
не станешь ложью отвечать
на ложь,
не будешь злобен, став для всех мишенью,
но и святым себя не назовешь...

Любимое стихотворение — это, наверное, то, что наиболее точно выражает твоё внутреннее состояние, более всего созвучно душевным импульсам. Состояние сосредоточенности, собранности, готовности до конца продолжать однажды начатое дело постоянно свойственно Виктору Харитонову, без него невозможно было бы справиться с той огромной нагрузкой, что ложится на плечи актера.

Дело всей жизни... Концентрация жизненных сил. Напряженность воли. Для ленинградского актера Виктора Харитонина создание поэтического театра и стало таким делом жизни.

Каким он будет, этот театр? Думали, предлагали, фантазировали. Варианты сменяли друг друга. И вот появился еще один вариант.

Почему бы не адмиральск Ленинградком Создатель на объединении еще один новый

237